

Сквозь полудрему Гу Цань услышала, как кто-то шепчет прямо над ухом:

— Сестренка, сестренка, просыпайся.

С трудом разлепив глаза, она увидела перед собой Гу Юйцзюна. Значит, это правда — она действительно попала в прошлое.

В сердце на мгновение кольнуло от легкой грусти, но Гу Цань заставила себя собраться и села на кровати.

— Сестренка, хе-хе... — Гу Юйцзюн заискивающе улыбнулся и жалобно протянул: — Только не рассказывай папе с мамой, что я играл в игры. Я в первый раз так допоздна засиделся.

Ага, так я тебе и поверила.

Гу Цань подумала, что сама была такой же, и в юности ночные вылазки и игры до рассвета были для нее обычным делом. Ни за что не поверю, что ты это впервые.

Не желая тратить время на препирательства с братом, она столкнулась с куда более серьезной проблемой: что ей вообще надеть?

В этот момент Гу Цань услышала знакомый, добрый голос:

— Цаньцань, Сяо Гао, идите кушать!

Бабушка!

Гу Цань застыла, позабыла обо всем на свете и вихрем вылетела из комнаты. В прошлой жизни ее дедушка и бабушка умерли, когда ей было восемнадцать. Она была к ним очень привязана, и их уход стал для нее тяжелейшей утратой, от которой она не могла оправиться долгое время.

Добежав на голос до кухни, она увидела бабушку, которая как раз расставляла на столе горячие блюда. Зрение мгновенно затуманилось, слезы хлынули из глаз, и Гу Цань, не сдержавшись, бросилась к бабушке и крепко ее обняла, разрыдавшись в голос.

Бабушка растерялась, торопливо отставила тарелки и, освободив руки, начала похлопывать внучку по спине:

— Ой, Цаньцань, что случилось? Не плачь, милая, что такое?

Гу Юйцзюн, прибежавший следом, смотрел на эту сцену с таким видом, будто увидел привидение.

Гу Цань выплакивалась, давая волю чувствам, пока наконец не успокоилась. В глубине души ей стало даже немного стыдно: неужели она стала такой ранимой? Но, прижимаясь к бабушке, чувствуя, что потерянный родной человек снова рядом, она поняла, как прекрасен этот мир. Даже если она переродилась в девушку, это того стоило!

Гу Юйцзюн решил, что сестра окончательно сошла с ума. Она вела себя странно с самого пробуждения. Неужели температура была такой высокой, что у нее помутился рассудок?

Бабушка нежно гладила внучку по голове. Она не понимала, почему та так горько плачет, но чувствовала исходящую от нее нежность, и это ее глубоко тронуло — ведь обычно внучка была с ней довольно сдержанна.

— Цаньцань, что все-таки случилось? — тихо спросила бабушка.

Гу Цань вытерла слезы, виновато улыбнулась и ответила:

— Бабушка, я просто соскучилась. Все хорошо, мне приснился кошмар.

Бабушка ласково рассмеялась:

— Глупенькая, такая большая, а плачешь из-за сна. Сны всегда сбываются наоборот, не бойся.

— Угу, — послушно кивнула Гу Цань, но руки не разжала, не желая отпускать бабушку ни на секунду.

Гу Юйцзюн почесал затылок. Сестра казалась ему какой-то не от мира сего — совсем не похожа на обычную холодную и отстраненную себя. Он не выдержал:

— Сестренка, ты точно в порядке? Ты сегодня сама не своя.

Гу Цань вздрогнула и бросила на брата косой взгляд:

— Что ты мелешь? Никакая я не другая. Я болею, имею право быть слабой?

— Имеешь, имеешь, ты у нас в доме главная, тебе виднее, — Гу Юйцзюн поднял руки в жесте капитуляции, подумав, что эта дерзость — все тот же знакомый рецепт, прежний характер.

История семьи Гу была полна слез и терзаний. В поколении Гу Юйцзюна он был единственным внуком в роду. У дедушки был только один сын — отец Гу Цань, у которого не было братьев, только сестры. У каждой из его сестер рождались только мальчики. У матери Гу Цань был один брат и шесть сестер, и по иронии судьбы, у всех них тоже рождались только мальчики. Гу Цаньцань была единственным цветком в окружении целого сада двоюродных братьев.

Бабушка с дедушкой души не чаяли в своей старшей внучке, баловали ее с малых лет, ни в чем не отказывали, и даже звезды с неба были готовы достать. Она выросла в атмосфере всеобщего

обожания со стороны тетушек, а братья всегда берегли свою единственную сестренку. Все самое вкусное и интересное доставалось ей. Со временем это породило в ней капризность, эгоизм и уверенность в том, что весь мир должен вращаться вокруг нее. К подростковому возрасту у нее развился классический синдром принцессы.

Гу Юйцзюна, хотя он и был единственным продолжателем рода, любили, но на фоне сестры он всегда отходил на второй план — редкое всегда ценится больше. Несмотря на то, что он иногда ворчал на сестру и ее вредный характер, он ничего не мог с собой поделать: она ведь все-таки его сестра. Да и временами она бывала добра к нему, а еще у нее был талант — она виртуозно играла на пипе. В глубине души он даже гордился ею.

Когда Гу Цаньцань стала старше, она начала считать взгляды дедушки и бабушки устаревшими, критиковала их и вела себя с ними отчужденно. Но сегодня, когда внучка, напуганная кошмаром, так искренне прижалась к ней, бабушка почувствовала лишь облегчение и тепло, забыв все прошлые обиды.

Она не стала отнимать руку, а другой ласково коснулась лба внучки. Кожа была прохладной — жара не было. Бабушка облегченно улыбнулась:

— Цаньцань, я ведь в порядке. А ты уже поправилась? Впредь не гуляй под дождем. Позавчера лило как из ведра, у тебя же был зонт, зачем было идти без него? Вот и простудилась. Больше так не делай, слышишь?

Иметь зонт и не воспользоваться им — что за чудачество? Гу Цань подумала, что прежняя владелица тела была мастером спорта по созданию проблем на свою голову.

Поскольку память хозяйки тела к ней не перешла, Гу Цань не знала подробностей, поэтому лишь неопределенно и послушно ответила:

— Хорошо, бабушка, больше не буду.

Внучка выглядела такой послушной, как в детстве, что на лице бабушки от умиления проступили морщинки.

— Бабушка, еда готова? Я проголодался, — подал голос Гу Юйцзюн.

Бабушка спохватилась:

— Готова, готова, я как раз накрываю. Сяо Гао, иди позови дедушку.

Гу Юйцзюн отозвался и убежал.

Сяо Гао... Гу Цань сидела с невозмутимым видом, но внутри у нее все перевернулось. Это прозвище — так его звали только дедушка и бабушка.

Эх, перерождение все-таки изменило привычный уклад.

Гу Цань опередила бабушку и сама взялась накрывать на стол, что еще больше порадовало старушку: внучка наконец-то повзрослела и стала разумной.

Вскоре в кухню вошел высокий худощавый старик. Его голова была обвязана полотенцем, лицо изрезано глубокими морщинами, но взгляд оставался острым и живым. Он шел, отряхивая руки от воды.

Дедушка!

Гу Цань, которая только что перестала плакать, снова почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Вскочив со стула, она не сдержалась и во весь голос крикнула:

— Дедушка!

<http://bllate.org/book/20841/2100596>